

A
Ш 94

На правах рукописи

ШТУДЕН Лев Леонидович

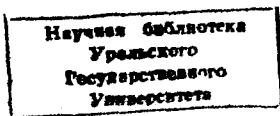
КРИЗИС СОЗНАНИЯ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

Специальность: 09.00.13

Философская антропология и философия культуры

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук**

Екатеринбург – 2000

Работа выполнена на кафедре философии Новосибирской государственной академии экономики и управления и на кафедре социально-политических теорий Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики

Научные консультанты:

доктор философских наук, профессор В.З. Коган

доктор философских наук, профессор В.М. Фигуровская

Официальные оппоненты:

доктор философских наук,

доктор философских наук,

доктор философских наук,

профессор Ф.Т. Мартынов

профессор Л.Г. Олех

профессор В.В. Скоробогатый

Ведущая организация: Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет

Защита состоится 29 июня 2000 г. в 15 часов на заседании диссертационного совета Д 063.78.06 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора философских наук при Уральском государственном университете им. А.М. Горького (620083 г. Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, 51, комн. 248)

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета им. А.М. Горького

Автореферат разослан   мая 2000 г.

Ученый секретарь диссертационного
совета, доктор философских наук,
профессор

Н.В. Бряник

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. О ситуации кризиса культуры в XX столетии пишут практически все философы, историки и культурологи, так или иначе уделявшие внимание мировой культуре эпохи Новейшего времени. Все они сходятся на том, что этот кризис ни в коем случае нельзя недооценивать. Современная социальная действительность полна конфликтов. Противоречия между менталитетом населения слаборазвитых стран и требованиями технического прогресса, секуляризация общественного сознания на Западе, экспансия коммерческой культуры с помощью средств массовой информации, конфликт между Западом и странами ислама, маргинализация огромных масс людей, оторванных от своей культурной почвы, — вот далеко не полный перечень проблем, имеющих прямое отношение к сфере культуры.

Кризис культуры можно считать одной из глобальных проблем современности, наряду с такими, как близость экологической катастрофы или опасность ядерного конфликта. Проблема кризиса культуры, впрочем, не пользуется таким вниманием общественности, как угроза уничтожения природной среды или перспектива ядерного мирового пожара: о ней почти не пишут в газетах; задача защиты культуры еще ни в одном уголке Земного шара не вызвала к жизни массовых общественных движений, подобных манифестациям "зеленых" или выступлениям борцов за мир. Это можно объяснить лишь тем, что культура как органическое целое — еще настолько малоисследованный феномен, что потрясения, происходящие в этой сфере, мало кого волнуют в той же степени, как, например, проблема терроризма или нехватки энергетических ресурсов. Культурный кризис скорее смутно переживается, чем трезво оценивается.

Это однако не означает, что такой проблемы нет или она может восприниматься как менее угрожающая по сравнению со всеми остальными. Осознание опасности — лишь самый первый шаг, но даже этот шаг не может быть сделан без морфологического анализа тех структур, которые следует отнести к сфере культуры, и без поисков истинных (зачастую глубоко скрытых) причин распада и гибели культуuroобразующих комплексов. Связанный с современным состоянием культуры кризис сознания также не принадлежит к числу хорошо разработанных в культурологии тем.

Состояние этого круга вопросов на сегодняшний день, к сожалению, таково, что обсуждение подобных проблем пока еще носит лишь самый общий характер. Так, ведущими мыслителями рубежа XIX — XX вв. было установлено, что кризисные явления в культуре связаны с феноменом городской цивилизации, которую, т.о., следует считать завершающей фазой в развитии локальных культур. В литературе, посвященной этому вопросу, лучшей степени разработки подверглись типологические черты этого процесса. Несколько бо-

лее общими и гипотетичными представлены его истоки. Что же касается связи кризиса культуры и проблем сознания — таких работ совсем немного; лучшие из них, принадлежащие перу К.Юнга, М.Мамардашвили, С.Грофа, — лишь приподнимают край завесы, опущенной над этой тайною тайн.

Между тем именно взаимоотношение культуры и сознания, по нашему мнению, скрывает глубинные истоки культурного кризиса, и не только в наши дни, но также на любом срезе исторического времени, когда бы и где бы этот кризис ни происходил. Отношение сознания к культуре обнаруживает одну из глубочайших антиномий человеческого бытия. Любое проявление этой антиномии (например, противостояние гения и "толпы") кажется лишь частным конфликтом, однако любая подобная ситуация подчиняется общей глубинной закономерности, определяющей скрытые механизмы культурного кризиса.

Сам по себе кризис — явление, казалось бы, абсолютно нормальное в любых аспектах социальной практики: за кризисом должно следовать продолжение жизни на новом этапе, в новом качестве. Кризис, однако, может быть и роковым, если социум не располагает средствами для его преодоления. Кризисы локальных культур на стадиях развитых цивилизаций, так же, как и глобальный кризис современной мировой культуры, (о них речь идет в настоящем исследовании), — относятся к событиям именно этого ряда. Что же касается связанного с этой глобальной социокультурной энтропией состояния сознания (как индивидуального, так и массового), то на исходе XX столетия оно внушает тревогу уже не только профессиональным психологам или философам.

Понятно, что подобные процессы нуждаются в самом пристальном и глубоком изучении. Такое исследование, как надеется автор, может послужить базовым основанием для поиска средств возможного выхода из тупиковых социокультурных ситуаций, с каждым десятилетием принимающих все более угрожающий характер.

Степень разработанности темы. Анализ источников, близких к задачам нашего исследования, показывает, что отношениями сознания и культуры занимались большей частью психологи, психоаналитики, отчасти философы, но в исследованиях, посвященных специально проблемам культуры, эта тема пока еще не заняла подобающего ей места. Трудность анализа проблем, связанных с сознанием, состоит в том, что само это понятие до сих пор в литературе точно не определено. По сути дела каждый исследователь, обращаясь к проблемам сознания, ведет речь о каких-то конкретных, эмпирически данных его свойствах, которые интересуют его как исследователя. При этом первостепенно важными оказываются три определяющих момента: **субъект созна-**

ния (таковым, например, может быть индивид или социальная группа); **уровень сознания** (т.е. область включенных в его работу ментальных структур) и **характер деятельности сознания**.

Именно эти три фактора учитывались в трудах исследователей и мыслителей, усилия которых в определенной степени могли бы пролить свет на закономерные связи, необходимо существующие между культурой, с одной стороны, и сознанием индивида или социальной группы, с другой. В традиционной психологии субъектом сознания обычно является индивид; исследуемый уровень сознания — не выше обыденного (любые отклонения от этого уровня рассматриваются как патология); характер деятельности сознания обычно связан или с чувственной, или с эмоциональной, или с рациональной сферами.

Уже в конце прошедшего и начале нынешнего столетий ученые значительно расширяют рамки исследований. Субъектом сознания становится не только индивид, но и социальная группа. Э. Дюркгейм говорит о коллективном сознании, Г. Ле Бон, Э. Канетти и Г. Тард исследуют психологию толп, бессознательные устремления человеческой "массы" являются предметом тщательного анализа в последних работах З. Фрейда. В трудах того же З. Фрейда и его последователей в сферу психических структур включается бессознательная мотивация сознательных актов. В работах В. Вернадского и К. Юнга психические структуры мыслятся уже как имеющие глобальный характер. Понятие "сознание" постепенно перерастает не только рамки индивидуального опыта, но и рамки социальные. Именно психоаналитики (в их числе Э. Фромм, Э. Берн, К. Хорни) поставили всерьез проблему отношения культуры и сознания, причем З. Фрейд обозначил ее как конфликтную, одним из первых указав на **репрессивную функцию**, которую культура во все времена выполняла по отношению к естественным побуждениям индивида.

Современный период исследований (его отсчет надо вести приблизительно с 50-х гг.) — это уже не просто обобщение фактов, имеющих исторический, психологический или культурологический смысл, — это эпоха прямых экспериментов с сознанием, которые исследователь ставит в первую очередь на самом себе. Соответственно, привлекается богатейший арсенал восточной духовной практики, как авторитетный пример и руководство к действию для экспериментов подобного рода. Понятие "сознание" расширяется вплоть до исчезновения каких-либо поддающихся осмыслению пределов. Способность к осознанию признается за любыми объектами, включая растения, минералы и космическую пустоту. Путем тщательной экспериментальной работы обнаруживается эффект возможного отождествления сознания индивида с любыми другими формами сознаний, никак не связанных с его личным опытом. В практику входит понятие **трансперсонального сознания**.

ния. Соответственно, объектом интереса исследователей становятся надобыденные состояния сознания, а вектор внимания перемещается от чувственных и рациональных форм работы с внешним миром в сторону интуиции и разнообразных медитативных способов постижения как внешней, так и внутренней (психической) реальности. В этой области многое дали исследования Дж. Лилли, Ч. Тарта, С. Грофа, Ф. Перлза, Р. Хаббарда. К ним необходимо прибавить работы отечественных исследователей, таких как Е. Файдыш, Ж. Дрогалина, В. Налимов, С. Сперанский.

На этом новом этапе совершенно особый ракурс приобретает проблема взаимодействия сознания и культуры. Она должна решаться не иначе, как в контексте двух ключевых тем: **миссии сознания** в жизни человечества и **системных свойств культуры** как целого.

Миссия человеческого сознания в космосе - вопрос, который невозможно решить на обыденном и прагматическом уровне. "Феноменология духа" Г. Гегеля — одна из первых серьезных заявок на рассмотрение этой проблемы, если принять во внимание, что самодвижущийся и самопознающий дух в этом философском труде есть не что иное, как метафора сознания, взятого в его внеличностном контексте. В XX столетии к разрешению этого вопроса вплотную приблизились К. Юнг и М. Мамардашвили. Их разработки во многом явились отправными точками для некоторых ключевых выводов, сделанных в настоящей работе. В частности, идея "психических функций" К. Юнга оказалась весьма плодотворной для целей культурологического анализа и для разработки концепции **интуитивной культуры**.

Что касается системных свойств культуры, то существующая литература предлагает весьма широкий набор вариантов моделей таких систем - от "органических", эволюционистских (Э. Тайлор, Д. Фрейзер, Э. Лэнг, Л. Морган, Л. Фробениус, Г. Спенсер и др.) до функциональных, в основе которых лежит социологический подход (М. Вебер, Э. Дюркгейм), или цивилизационный (Н. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби), или ценностный (П. Сорокин). Каждый из этих вариантов содержит нечто позитивное для понимания смысла культуры, но для целей настоящего исследования автор воспользовался собственной моделью — Ментальной Матрицей, — разработкой которой была предложена в монографии "Морфология культуры". Вместе с тем в отдельных моментах наше исследование перекликается и с работами указанных авторов, — в особенности, с типологическими фазами культур, найденными П. Сорокиным. В ряду этих работ особое внимание уделялось публикациям, связанным с анализом надлома и кризиса локальных культур (Н. Бердяев, О. Шпенглер, А. Ахиезер и др.).

Были использованы также работы по теории систем (А. Аверьянов, И. Блауберг, Э. Юдин, В. Фофанов), а также обширная литература по истории

культуры, религии и мифологии (М. Бахтин, В. Библихин, Ю. Давыдов, И. Кант, И. Касавин, Ю. Лотман, В. Порус, Е. Торчинов и др.).

Одна из магистральных тем данной работы — возможность целенаправленного воздействия на системные свойства культуры, — к сожалению, до сего дня лишь обсуждается, но не разрабатывается. Во всяком случае, автору такие исследования пока не встречались. В этом плане ничего не оставалось другого, как надеяться, что не пустыми и не беспомощными выглядят пророчества и пожелания известных мыслителей, подобных тому, что было высказано Э. Фроммом в его книге "Бегство от свободы": **"Общество должно овладеть социальными процессами так же рационально, как оно овладело процессами природными"**.

Проблема исследования. Ситуация мирового культурного кризиса получила почти всестороннее освещение, в т.ч. в трудах упомянутых авторов. Но попытки анализа сложившейся ситуации, которые так или иначе присутствуют в этих трудах, далеко не всегда обращены к состоянию сознания, связанного с этим кризисом. Чаще всего авторы констатируют некоторые факты, касающиеся кризиса массового сознания, вскрывая лишь частные причины этого явления (таковы, например, работы Э. Фромма). Гораздо глубже, но опять-таки в частной сфере, относящейся к психологии толп, рассматривают ситуацию Г. Тард и С. Московичи. Самый же глубинный анализ, на наш взгляд, принадлежит М. Мамардашвили, с его идеей "антропологической катастрофы". Но и в этом случае причина, подразумеваемая автором (жившим в условиях тоталитарного общества и мечтавшим о восстановлении в этом обществе цивилизованных норм жизни), носит, по-видимому, лишь частный характер. Тоталитарный способ правления нельзя считать единственной причиной кризиса культуры и сознания, тем более в наши дни, когда тоталитарная модель общества почти повсюду пришла к полному банкротству.

Необходим целостный культурологический и философский анализ ситуации, связанной с современным этапом отношения между сознанием и культурой. Необходим анализ глубинных причин, приводящих к слому и гибели локальных культур. Необходима рабочая системная модель культуры, которая позволила бы понять, каким образом и в какой мере стихийное развитие культурных систем должно и способно стать управляемым. Лишь в этом случае можно решить задачу, уже поставленную на повестку дня наукой XX в., суть которой хорошо передает высказывание К. Лоренца: **"Опасность для современного человечества происходит не столько из его способности властвовать над физическими процессами, сколько из его неспособности разумно направлять процессы социальные"**.

Проблема однако состоит в том, что если "разумно направлять социаль-

ные процессы" в сфере экономики, государственного строительства, частных гуманитарных программ человечество научилось (пусть не в совершенстве, но уж во всяком случае здесь имеется опыт), то разумно направлять процесс роста культуры **как целостной системы** еще нигде не удавалось: мы знаем лишь примеры волонтаристских экспериментов, не более. Настоящая работа представляет собою попытку дать общетеоретические и методологические обоснования для решения прежде всего этой главной проблемы: **воздействовать на систему культуры в том направлении, чтобы снять антагонизм, существующий между культурой и сознанием.**

Объект исследования. Исследование направлено на два основных объекта, находящихся друг с другом в нерасторжимой связи:

1. Культура как целостная система структур коллективной памяти (сознательной и бессознательной). Она рассматривается одновременно как часть ноосферы (т.е. часть метасистемы) и как самостоятельная живая система, свойства которой имеют определенную специфику, отличающую ее от свойств других живых систем. Система культуры исследуется в различных вариантах. Это и локальные культуры архаических сообществ, и цивилизации "послеосевого" времени, и складывающийся в XX столетии единый комплекс мировой культуры. Речь идет не только о системе в целом, но и о ее элементах (подсистемах), о ее уровнях, и факторах, управляющих процессами ее жизнедеятельности.

2. Сознание как феномен, имеющий свое собственное бытие, свои свойства и свою логику развития. Особое внимание уделено **метафизическому смыслу сознания**, его главной миссии в космосе, а также отдельным его свойствам, различным образом проявляющим себя на разных стадиях развития культуры.

Предмет исследования. Главным предметом исследования в настоящей работе является взаимодействие между культурой и сознанием в рамках прежней парадигмы культуры (в т.ч. типичные кризисные ситуации как результат этого взаимодействия), а также современное состояние культуры и связанное с ним состояние общественного сознания. С этой целью исследуются основные структуры целостной социокультурной системы (уровни, архетипы, жесткие подсистемы, управляющий центр и т.д.), с одной стороны, и свойства сознания в их связи с основными фазами развития культурных систем — с другой. Рассматриваются также способы преодоления антагонизма между сознанием и культурой, позволяющие обосновать саму возможность снятия этой сущностной антиномии человеческого бытия на новом эволюционном этапе развития мировой культуры.

Цель исследования: предложить способ оптимального взаимодействия сознания и культуры, соответствующий задаче эволюции сознания. Этот способ должен предусматривать условие подчиненности всех функций культуры задачам сознания; иными словами, он означает принятие новой парадигмы культуры как адекватного ответа на вызов, порождаемый ситуацией глобального культурного кризиса.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

- разработать концептуальную основу для исследования сферы взаимодействия сознания и культуры, для чего в первую очередь очертить круг проблем, связанных с работой сознания (свойства сознания, формируемые культурой типы сознания, миссия сознания, роль и значение "психических функций", типовые признаки кризиса);
- усовершенствовать урновневую модель культуры (в настоящем исследовании она названа Ментальной Матрицей) и исследовать её в контексте свойств, присущих живым системам, имея в виду отношение культуры как целого к индивидуальному сознанию;
- развить онтологические представления о предельных основаниях культуры, связанных в первую очередь с архетипами Высшего бессознательного;
- рассмотреть основные механизмы, способствующие надлому и кризису социокультурных систем;
- на фактологическом материале исследовать закономерности взаимодействия сознания и культуры, а также общие тенденции в эволюции этого взаимодействия, через стадии обыденного и массового сознания, вплоть до высшей точки кризиса — "антропологической катастрофы";
- на основании проделанного исследования обозначить контуры новой парадигмы культуры.

Теоретическая и методологическая база исследования

Во всем, что касается кризисных явлений культуры, главным методом в данной работе был системный анализ. При этом автор отчасти опирался, с одной стороны, на некоторые постулаты, выдвинутые в теории систем (А. Аверьянов, Э. Юдин, И. Блауберг и др. авторы), и, с другой, — на эмпирический материал, усвоенный из наблюдений над живой природой. Это позволило сформулировать Девять основных свойств живых систем, с помощью которых был выполнен функциональный анализ социокультурной живой системы — Ментальной Матрицы.

Для построения этой конкретной системной модели были использованы результаты предыдущих работ автора, зафиксированные в монографиях

"Морфология культуры" и "Кризис сознания как феномен культуры", причем модель была существенно доработана и скорректирована.

В отличие от социокультурных комплексов, проблема сознания рассматривается в настоящей работе уже не в системном аспекте, а в аспекте саморазвивающейся потенции живой материи. За исходную основу принята концепция сознания, намеченная З. Фрейдом, согласно которой сознание предстает как нечто, имеющее место в пограничном слое между внутренней (психической) и внешней (объектной) реальностью. В определении космической роли сознания автор опирался отчасти на идеи В. Вернадского, отчасти на труды Г. Гегеля, Н. Бердяева, М. Мамардашвили и свидетельства восточных мистиков, таких как Ауробиндо, Кришнамурти, Йогананда. Главное же влияние на концепцию космической миссии сознания оказала позиция К.Г. Юнга, который в своих трудах не раз подчеркивал и обосновывал главную задачу сознания: овладение коллективным бессознательным ("**осознание**", — согласно введенному им термину).

Идеи этого же мыслителя легли в основу концепции **психической эволюции**, изложенной в Главе I настоящей диссертации. Для формирования этой концепции были использованы Юнговские описания "психических функций". Что касается идеи **архетипа**, принадлежащей тому же автору, — она была подвергнута обстоятельному осмыслению, результатом чего явилась предложенная в настоящем исследовании оригинальная классификация архетипов согласно их функциональной роли в социокультурных системах.

Идея уровней культуры, смыкающихся с уровнями психического космоса, опирается на экспериментальные исследования ученых, исследовавших различные состояния сознания (С. Гроф, Дж. Лилли, Ч. Гарт и др.) и на работы культурологов-философов, близко соприкасавшихся с этой темой (В. Налимов, Е. Торчинов, У. Джеймс).

В ходе анализа типовых взаимодействий сознания и культуры главным основанием был метод, позволивший описать взаимодействие системного объекта и внесистемного феномена, относящегося к этому объекту, как часть к целому. Это позволило определить столкновение системного и внесистемного принципов как сущностную причину антагонизма между культурой и сознанием.

Само собой разумеется, что далеко не все выводы, зафиксированные авторами использованных печатных работ, получили развитие в нашем исследовании. Отдельные концепции (например, системная концепция сознания), были нами отвергнуты как результат ошибочного смешения психики и сознания. Некоторые работы, — такие как "Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма" Ф. Хайека, где роль сознания принижается до чего-то среднего между биологическим инстинктом и развитыми формами культуры, послу-

жили стимулом "от противного", — для более энергичного утверждения диаметрально противоположных позиций.

В настоящем диссертационном исследовании также есть положения, не имеющие прямых предпосылок в доступной автору литературе. Основаниями для таких положений были более или менее явственно обозначенные **эволюционные тенденции** в развитии мировой культуры. Эти тенденции позволили сформулировать те задачи, которые образовали комплекс идей новой парадигмы культуры, в частности — идею **интуитивной культуры**, основанием для которой должна стать практика достижений сверх-обыденных состояний сознания.

Научная новизна диссертации. Главный предмет исследования, к которому обращена настоящая работа, — отношение культуры к сознанию — еще не был затронут в философии культуры с достаточной степенью широты и последовательности, так что нам пришлось во многих аспектах этой темы двигаться по малоисследованным путям. Эти пути определялись прежде всего тем, что как сознание, так и культура рассматривались с позиций системного анализа, для которого важнейшим свойством сознания оказалась способность к неограниченному расширению, т.е. то, что выводит сознание за рамки системной логики. В центре внимания, следовательно, оказывается **энергетический аспект**: свойство стихийной и противоречащей любым ограничениям экспансии сознания.

С другой стороны, культура, как надбиологическая система средств регуляции человеческой деятельности, рассматривается в первую очередь с точки зрения системных закономерностей. Основным рабочим аппаратом для исследования этой системы послужила ноосферная модель культуры (Ментальная Матрица), созданная на предыдущих этапах работы как инструмент системного анализа. Этот анализ, в свою очередь, был проведен на основании изучения поведения живых систем, определяющие свойства которых были сформулированы в Главе IV. Исследование Ментальной Матрицы показало, что данная живая система обладает рядом особенностей, предопределяющих ее нестабильность, и что основная причина этого лежит в сущностном противоречии между культурой и сознанием.

В Главе V настоящего исследования упомянутая рабочая модель, в частности, была использована для решения принципиально новой задачи: определения свойств и параметров **жестких подсистем**, являющихся причиной надлома и упадка локальных культур. Пять типов подсистем этого рода в настоящей работе впервые выделены, классифицированы и подвергнуты системному анализу.

Гипотеза **психической эволюции**, в основании которой лежит идея

"психических функций" К. Юнга, контурно намеченная автором в нескольких предыдущих работах (главным образом в монографии "Морфология культуры"), получила в Главе I законченный вид. Эта гипотеза легла в основу предложенной в Главе VII концепции **интуитивной культуры** как предстоящего в недалеком будущем этапа общей культурной эволюции.

Подразделение всего комплекса культурных явлений на три аспекта — индивидуально-Жизненного, Социального и Сверхжизненного (Глава III) также было в этом виде предложено впервые. Оно помогло главной задаче исследования: изучить природу взаимодействия сознания и культуры. В каждом из трех аспектов были исследованы два основных типа этих взаимодействий: работа сознания в режиме его расширения и работа сознания в режиме полной зависимости от установок культуры. В связи с этим было проведено углубленное исследование природы архетипов, что позволило подразделить их на три уровня, в соответствии с логикой поведения социокультурных систем. Эта классификация позволила с новых позиций взглянуть на роль архетипов в культуре вообще и социокультурной динамике в частности. При этом была определена и сфера действия архетипов этих трех уровней: принадлежность Первичных архетипов к области Высшего бессознательного; Вторичных — к области Надсознания и архетипов Третьего порядка — к подсознательной области. Была также вскрыта доминантная роль Вторичных архетипов (Глава II).

На протяжении всей работы неоднократно прослеживался в ретроспективе процесс исторического развития культурообразующих систем, причем делалось это в определенном ракурсе: процесс раскрывался как драма извечно-го конфликта между культурой и сознанием. Как кульминация этой драмы, была исследована проблема "антропологической катастрофы" (тема, некогда заявленная в трудах М. Мамардашвили). Была обоснована опасность необратимости этой ситуации и намечены пути выхода из нее. Анализ кризиса сознания (как общественного, так и индивидуального) проводился на основе философско-методологического исследования двух основных типов сознания, преобладающих в условиях технотронной цивилизации: **обыденного и массового**. "Антропологическая катастрофа" была исследована как угроза необратимого отрыва сознания от его глубинных истоков — Первичных архетипов. Существование подобной угрозы обоснованно связывается в первую очередь с современным этапом развития мировой (в первую очередь - Западной) культуры.

Основные принципы новой парадигмы культуры, венчающие настоящее исследование (Глава VII), в теоретическом плане не имеют полных аналогов в литературе, доступной автору. Основные этапы работы с сознанием, работа с архетипами, корректировка жестких подсистем Ментальной Матрицы, работа

с коллективным подсознанием, подходы к этапу интуитивной культуры, — все это было осмыслено, обосновано и предложено в виде единого комплекса мер, способствующих выходу из современного культурно-эволюционного тупика.

Новизна диссертации заложена в самом ее замысле. Назначение диссертации: разработать комплекс теоретических и методологических оснований для эффективного и благотворного, обеспеченного наукой воздействия на систему культуры, — предполагает постановку принципиально новых задач, еще не решенных в культуроведческой литературе.

Все это по совокупности дает автору надежду, что данное исследование может послужить основанием для начала широкой практической разработки затронутых здесь проблем.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Работа обладает интегральным характером, поскольку концентрирует идеи общетеоретического и практического планов сразу в нескольких аспектах: культурологическом, социопсихологическом и системно-аналитическом, с широким привлечением материалов по проблемам сознания.

Со стороны теории значимыми являются следующие положения:

- разработка ноосферной модели культуры;
- исследование закономерностей поведения локальных культур как особого класса живых систем;
- анализ причин нестабильности в работе этих систем, исследование "жестких" подсистем в Ментальной Матрице и причин их возникновения;
- анализ происхождения, общих структур и действия архетипов Высшего бессознательного;
- исследование мировоззренческих проблем, связанных с космической миссией сознания, назначением культуры и взаимодействием сознания с культурой;
- рассмотрение эволюции культуры как части глобальной психической эволюции живых систем;
- приложение теории "психических функций" К. Юнга к задачам культурологического анализа;
- исследование "антропологической катастрофы" как высшей точки кризиса, спровоцированного взаимным антагонизмом культуры и сознания в условиях технотропной цивилизации;
- рассмотрение типов сознания, обусловленных жесткой социокультурной зависимостью.

Результаты всех этих разработок могут быть включены в специализированные публикации, преследующие как научно-теоретические, так и учебно-

познавательные цели.

С точки зрения социокультурной практики наиболее значимыми являются найденные в данной работе основания новой парадигмы культуры, предусматривающей реализацию следующих принципов:

- подчиненность культуры задачам сознания;
- перестройка всего фундамента воспитания и образования для достижения этой цели;
- профилактика социокультурных систем и соблюдение оптимального режима их функционирования;
- целенаправленный системный анализ локальных культур;
- работа по оздоровлению коллективного подсознания;
- работа над воссозданием **оснований культуры** (реактуализация Первичных и Вторичных архетипов);
- включение в повседневную массовую практику сверх-обыденных состояний сознания.

При детальной разработке все эти положения могут стать частью учебных дисциплин в образовательных учреждениях всех уровней - от дошкольных до аспирантуры вуза включительно. Практическое же освоение этих идей (например, профилактика социокультурных систем) рассчитано на создание специализированных учреждений, что по вполне понятным причинам связано с трудностями организационного характера и не может стать реальностью завтрашнего дня. Но в перспективе именно эта возможность, как мы горячо надеемся, будет успешно реализована.

Апробация работы. Идеи и выводы, представленные в настоящей диссертации, были использованы по трем направлениям:

1. Авторская подготовка и чтение вузовских учебных курсов, чтение лекций, проведение аудиторных занятий, связанных с тематикой исследования. Так, для студентов Новосибирской государственной академии экономики и управления был подготовлен и в течение 5 лет читался образовательный курс "Культура самопознания", в котором использовались идеи психической эволюции. В Сибирском гуманитарном институте системный анализ локальных культур был использован в курсе лекций по культурологии. В Сибирском институте международных отношений и регионоведения был прочитан курс лекций "Мировая культура", содержащий анализ кризисных ситуаций, складывающихся в культуре XX столетия, в тесной их связи с состоянием массового сознания.

2. Доклады, связанные с тематикой исследования, были прочитаны на научных конференциях в Новосибирске (1996 — 1999), Челябинске (1998), Екатеринбурге (1999). Тексты докладов, появившиеся в печати, представлены

в настоящей работе в списке публикаций. Кроме этого, узловые проблемы настоящего исследования обсуждались на семинарах кафедры философии НГАЭиУ и в неофициальных научных дискуссиях.

3. Идеи настоящей работы, частично изложенные в двух монографиях ("Морфология культуры", "Кризис сознания как феномен культуры") были, с разрешения автора, использованы культурологами и психологами в учебных курсах Новосибирской академии связи и Новосибирского государственного педагогического университета.

Структура диссертации: настоящая работа состоит из Введения, семи глав основного текста, Заключения и списка использованной литературы. Объем диссертации составил 288 стр. стандартного компьютерного набора.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, формулируется объект, предмет, цель и задачи диссертации, обозначаются методологические основания, характеризуется научная новизна и практическая значимость работы.

В Главе I "Онтология сознания" обозначены главные позиции, по которым исследуется взаимодействие сознания и культуры. Выделены семь лично данных свойств сознания, наиболее значимых в контексте настоящего исследования: **регистрация событий** (память), **чувственное восприятие** (переживание событий), **управление действием**, **Стремление** (побуждение, направляющее деятельность сознания), **творчество**, **представление** (работа воображения по воссозданию архетипической реальности в виде символов, понятий, образов), **понимание** (синтезирование внутренней и внешней реальности: воссоздание целостной связи между структурами, построение моделей и схем, способность классифицировать, осознавать контекст любого явления, предмета или действия).

Стремление — термин, специально введенный автором для характеристики такого свойства сознания, которое выводит его за пределы системной логики. Благодаря именно этому свойству сознание не сводится к сумме своих структур, а принимает вид **реализуемого Стремления**, суть которого — свободное, бесцельное, непредустановленное и неостановимое движение. Его задача — овладение новой реальностью и завоевание новых уровней. Экспансия сознания направлена на все, с чем оно соприкасается. Уже в силу этого оно не может быть ограниченной замкнутой целостностью. Сознание есть **раскрывающаяся потенция** Центра психической системы. Результатом его работы является повышение сложности этой системы, обогащение психики новыми структурами. Сама по себе психика, в известной степени, есть ре-

зультат работы сознания.

Далее, в связи с рассмотрением эволюционной динамики сознания, излагается гипотеза **психической эволюции**, основанная на идее "психических функций" К. Юнга. Суть гипотезы сводится к тому, что в ходе эволюции органической жизни на Земле включались в действие не все "психические функции" сразу, а в определенной последовательности: сначала сенсорная функция, затем эмоциональная, на уровне человека — мыслительная и интуитивная, причем интуиция завоевывает все более активные позиции; именно ей принадлежит будущее в эволюции живых систем.

Попутно ставится проблема **архетипов** как **единых** оснований сознания и культуры.

Психическая эволюция означает также и эволюцию структур, ограничивающих Стремление. Это ограничение необходимо в интересах самой жизни. Поток иррациональной воли к бытию проходит ряд этапов структурирования — от устойчивых и регулярных (инстинкты, рефлексy) до структур, созданных интеллектом и воображением человека. Человеческий способ структурирования образует комплекс искусственно созданных детерминант, который мы называем **культурой**. При этом обнаруживается отчетливая закономерность: чем дальше продвигается эволюция жизненных форм, тем в большей степени Стремление свободно от тирании механического регулирования, а структуры, его ограничивающие, становятся все менее жесткими, все более управляемыми самим сознанием. Чем выше психическая организация живого существа, тем в большей степени его поведение становится **проблемой выбора**.

При внимательном рассмотрении оказывается, что человеческий выбор диктуется не абстрактными представлениями о "должном", а все тем же Стремлением, которое лишь задним числом рационализируется в человеческом сознании. Стремление, получившее в психике человека небывалую раскованность, побуждает его переходить за пределы всех мыслимых границ. Здесь, по-видимому, следует искать истоки той проблемы, которой посвящено настоящее исследование.

Следовательно, важнейшим обстоятельством является вопрос о направленности самого Стремления, о возможности его структурирования, о его условиях и о результатах, к которым оно приводит. Здесь мы встречаем два полярных варианта: либо сознание человека тесно связано со своими основаниями (архетипами Высшего бессознательного), и тогда естественный выбор человека диктует ему образ мыслей и поведение, благоприятное жизни, либо сознание по каким-то причинам оторвано от этих оснований, и тогда оно **эгоистически структурировано**, что приводит к разрушительным последствиям как для объекта возможного действия, так и для самого сознания. В по-

следнем случае Стремление превращается в **желание**, которое сплошь и рядом не соответствует интересам жизни.

В заключение Главы I рассмотрены типичные признаки кризиса сознания, через его проявления в рамках указанных здесь основных свойств.

В главе II "Уровневая модель социокультурных систем" предлагается системная модель культуры как единого комплекса надбиологических средств регуляции человеческой деятельности. Само название модели — "Ментальная Матрица" — указывает на то, что эта модель относится исключительно к ноосферным структурам, каковыми, в частности, являются архетипы и коллективная память социума.

Модель включает семь уровней, каждый из которых по-своему воздействует на организм культуры. Краткая характеристика уровней сводится к следующему:

- Матрица Сверхсознания (МС) является хранилищем высших космических принципов (Первичных архетипов). Она служит универсальным энерго-информационным источником для всех локальных культур. Строго говоря, те же самые принципы управляют и жизнью всей природы, так что МС можно считать базовой предпосылкой для существования не только культуры как таковой, но и всего живого космоса.

- Матрица Надсознания (МН) является сферой коллективной сверхсознательной памяти, имеющей отношение к конкретному социуму. Менталитет, коллективные "условные рефлексы", сформированные многими столетиями культурной практики, традиционное мирозерцание, - все эти структуры содержатся в той области коллективного бессознательного, которая принадлежит уровню МН. Здесь же представлены Вторичные архетипы - смыслообразующие паттерны, являющиеся источниками систем мифов и соответствующих им символов, господствующих в духовной практике данного конкретного социума со времени его возникновения.

- Матрица Культуры (МК) есть сфера сознательной памяти социума: сумма обычаев, законов, предписаний, правил этикета и т.п., определяющая благоприятный для социума способ жизни. Эта сфера, в отличие от двух предыдущих, динамична и доступна всевозможным изменениям, что нередко является причиной рассогласования между уровнями системы.

- Зона Творчества (ЗТ) — источник возникновения новых структур, творческий центр человеческого сознания. Поскольку творчество — индивидуальный акт, этот уровень, по сути, символизирует самого индивида — "подсистему", включенную в Ментальную Матрицу как ее базовый элемент.

- Матрица Инфракультуры (МИ): на этом уровне сосредоточена сознательная память, которая хранит структуры, **не связанные** с высшими уровнями Ментальной Матрицы. "Теневые" полюса таких оппозиций, как добро —

зло, любовь – ненависть, Бог – дьявол, святость – грех, праведность – преступление и т.д. по-своему актуализируются культурой каждого взятого отдельности социума. Чаще всего МИ образует различного рода субкультуры, организующие жизнь низов общества. Но инфракультура выполняет иногда и полезную работу, играя роль клапана, дающего время от времени выход для энергии коллективного подсознания (это имеет прямое отношение, например, к "карнавальной культуре").

– Матрица Подсознания (МП) есть сумма структур, **вытесненных** из коллективного сознания. Первое место среди них принадлежит архетипам, которые некогда были частью Высшего бессознательного и управляли жизнью социума, но затем были насильственно устранены из духовной практики (с данной работе они получили наименование **архетипов Третьего порядка**). В отличие от верхних уровней Ментальной Матрицы, структуры МП спонтанно и неподконтрольно манифестируют себя в социальной жизни людей, являясь одной из важнейших причин бунтов, смут, революций.

– Матрица Досознания (МД) в своей сокровенной сущности означает сферу демонического, противоположную Первичным архетипам, источник разрушительных энергий, общий для всех локальных культур.

В целом Ментальная Матрица представляет иерархическую цепочку живых систем: **человек — социум — космос**, но в дальнейших наших рассуждениях, если это специально не оговаривается, мы будем иметь в виду любую конкретную социокультурную систему, представленную четырьмя основными уровнями: МН, МК, МИ и МП.

Особое место в представленной ноосферной модели занимает ее информационно-управляющий центр, или **доминанта**. Он оказывает определяющее воздействие на социальное поведение людей. Характер системы ММ, ее поведение и степень устойчивости зависят от характера доминанты, которую следует рассматривать по следующим четырем основным параметрам:

- степень целостности;
- степень тотальности действия;
- местоположение относительно уровней ММ (ценностный смысл);
- внутренняя структура.

Степень целостности указывает на концентрированность и взаимообусловленность структур доминанты. Например, в теократических обществах этот показатель очень высок, поскольку все стороны жизни социума подчинены одной и той же ведущей Идее. Тоталитарные режимы также обладают высокой степенью целостности доминанты. Этнос на заре своего образования ("акматическая фаза", по Л. Гумилеву) также руководствуется целостной доминантой.

Степень тотальности действия означает подчинение **всех** сторон жиз-

ни каждого индивида основополагающим принципам доминанты. В теократических и тоталитарных обществах степень тотальности доминанты максимальна, в секуляризованных и демократических — она может быть сравнительно небольшой.

Местоположение относительно уровней ММ важно потому, что оно означает степень энергетической связанности с Вселенским Центром. Почти все мировые религии связаны с чрезвычайно высокоорганизованными и унифицированными Вторичными архетипами; стало быть, доминанта социума, где эти религии преобладают, находится где-то вблизи Матрицы Сверхсознания (МС). Языческие религии имеют дело с региональными и местными богами, это — царство множественных Вторичных архетипов, и здесь очевидна связь с нижними областями Матрицы Надсознания (МН). Идеи, связанные с общественным устройством, правовыми принципами, экономической целесообразностью и т.п., имеют отношение к сознательным и регулируемым структурам МК (Матрицы Культуры).

Что касается Зоны Творчества, то, поскольку она не содержит никаких устойчивых структур, существование доминанты в этой зоне принципиально невозможно. Можно говорить лишь о том, насколько сам характер доминанты способствует функционированию этого уровня.

Следует упомянуть еще о низших уровнях ММ: существование доминанты в этой области возможно лишь на Матрице Инфракультуры (МИ) — тогда мы имеем дело с господством искусственной доктрины, названной Л.Н. Гумилевым **Антисистемой**. На уровнях МП и МД существование доминанты маловероятно, поскольку это означало бы полный отрыв социума от энергетики Вселенского Центра.

Внутренняя структура доминанты может быть достаточно противоречивой, что неизбежно сказывается на устойчивости системы ММ. Такова была, например, доминанта раннесредневековой западноевропейской цивилизации, с ее манихейским разделением земного и Божественного. Бинарная структура доминанты характерна также и для культуры России. Результат этого — своеобразный катастрофизм в российской культурной истории, что неоднократно отмечалось русскими философами и культурологами.

Доминанта социума не часто имеет столь конфликтную структуру. Обычно она складывается как гармоничное целое.

По совокупности все четыре параметра доминанты определяют степень устойчивости системы ММ. В сущности, мы их должны оценивать с точки зрения благоприятствования связи с Вселенским Центром, от которой зависит эффективность действия доминанты. В случае, если доминанта целостна, непротиворечива, тотальна в своем действии и принадлежит к высшим областям МН, такая связь осуществляется наилучшим образом, и социум может

рассчитывать на активное долголетие. Отступление от этих условий означает потерю устойчивости и жизнеспособности системы со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В главе III "Три аспекта культуры" взаимодействие сознания и культуры рассматривается по трем основным позициям, соответствующим трем сферам действия культуры: индивидуально-Жизненной, Социальной и Сверхжизненной.

К индивидуально-Жизненному аспекту относится организация материального жизнеобеспечения (производство всевозможных жизненных благ, прикладная наука и техника, индустрия развлечений, здравоохранение, хозяйственный уклад и т.п.) с одной стороны, и индивидуальная духовная практика, — с другой.

К Социальному аспекту культуры относится, во-первых, система горизонтальных связей (нормы, регулирующие поведение в обществе, этические каноны, мораль и нравственность, бытовой уклад) и, во-вторых, система вертикальных связей (тип власти, политическая система, общественный строй, сословная структура).

Что касается сверхжизненных задач, то они имеют прямое отношение к архетипам Высшего бессознательного. В культуре они связаны с организацией духовной жизни: наука, философия, религия, искусство, идеология, а также институты, организующие передачу, создание, хранение и потребление духовных ценностей (библиотеки, церкви, монастыри...).

Культура, будучи системным образованием, в каждом своем аспекте навязывает сознанию роль, которая в предельном варианте превращает его в чистую функцию. Такое целиком оформленное, "системное" сознание в каждом из указанных трех аспектов принимает следующий вид:

- 1) обыденное сознание, полностью нормативное, зависимое от господствующих социально-культурных установок, сообразующееся только с теми данными, которыми располагает оперативная память;
- 2) массовое сознание ("сознание толпы");
- 3) коллективно-религиозное сознание, слепо принимающее определенную доктрину, систему мифов и ритуалов.

Каждое из этих типов встроенных в социокультурную систему сознаний обладает тенденцией к постепенному упадку, в особенности на стадии зрелых цивилизаций.

Цивилизованное сознание проявляет склонность к деградации в первую очередь потому, что в искусственно защищенном мире человек долго сохраняет **иллюзию своей самодостаточности**. Он больше не нуждается в ценностях, выходящих за рамки его наличного бытия, где любая истина становится

прописной и сама религия превращается в привычку. Цивилизованный социум все более превращается в общество самодостаточных, живущих для самих себя индивидов. Он атомизируется. И он нуждается, следовательно, во внешней цементирующей силе. Такой силой может быть либо власть суверена, либо власть закона.

Индивидуально-Жизненный аспект культуры именно на стадии зрелых цивилизаций обычно выходит на первый план, получая заметный перевес над остальными двумя. Естественные природные механизмы, препятствующие соблазнам, цивилизация сметает прочь, и в то же время она сильно ослабляет сдерживающую силу высших (например, этических) принципов, поскольку эти последние лежат вне сферы неукоснительного, несомненного и первейшего Принципа, на котором любая цивилизация зиждется: **принципа пользы**. Обыденное сознание становится на этой стадии прагматичным, эгоистическим и секуляризованным.

Далее, большую проблему представляет обычное для зрелых цивилизаций превращение общественного сознания в массовое.

Массовое сознание таит опасность непомерного возрастания феномена личной власти и, соответственно, возникновения механизированных социальных систем, апофеозом которых является общество-казарма. Первые впечатляющие результаты этой тенденции представлены древними восточными деспотиями, кульминацией которых была т.н. Третья династия Ура: общество-казарма, во многом предвосхитившее сталинский социализм. Другие варианты социальности этого типа представлены эпохой токугавского сёгуната в Японии, режимом Спарты, доколумбовской империей инков и т.д. Со временем эта тенденция усиливалась. Далеко не случайно именно XX столетие оказалось наиболее богато режимами подобного сорта, правда, уже на уровне "передовой" идеологии и современной технической оснащенности. Идеология здесь решительно отодвинула в сторону Первичные архетипы Высшего бессознательного, уничтожила естественные мифы и заменила их искусственными (Антисистемой).

"Массовизация" человечества — явление, ставшее в XX столетии вполне очевидным. Причин этого достаточно много; к основным следует причислить участвовавшую миграцию людей с одного места на другое и неизбежный их отрыв от культурных корней, разрыв социальных связей, большие скопления в одном месте людей, объединенных только по функциональному принципу (завод, фабрика, армия); совершенствование средств пропаганды, возросшая роль массовых зрелищ, с помощью СМИ превращаемых в глобальные мероприятия.

Что касается сознания, формируемого в рамках Сверхжизненного аспекта культуры, то здесь речь должна идти об **индивидуальном духовном опыте**

те, который непосредственно приводит сознание человека в область Первичных архетипов. Что же представляет собой религия для человека, которому не было дано пройти через этот опыт? Ответ очевиден: "средний" индивид ориентируется на **социальный идеал**, то есть на образец, представленный ему сформировавшей его культурой. Служение видимому сакральному символу вполне заменяет ему подлинный духовный опыт, и человек не чувствует себя религиозно неполноценным. Достаточно своевременного выполнения ритуалов и точного соблюдения заповедей. Человек, живущий по законам обыденности и в рамках обыденного сознания, не в состоянии оценить, насколько его идеал соответствует Высшей Истине; его это ничуть не заботит. Он полагается на крепость традиции и авторитет священства — "специалистов" по части сакрального. Нужда в этих "специалистах" диктуется тем, что обыденное сознание не чувствует себя способным к самостоятельному познанию Высшей реальности, оно вынуждено делегировать свое право духовного поиска тем, кто согласен взять на себя бремя этой ответственности.

В этом случае первостепенную ценность приобретает религиозная доктрина. Она претендует на самостоятельное значение и провоцирует ложную привязку сознания к букве, а не к духу Учения. Результат — появление еще одного грозного феномена, неведомого язычеству: религиозного фанатизма. Фанатик — человек, психика которого всесторонне "завязана" на его доминанту. Но здесь происходит подмена: доминанта, то есть средство связи с Абсолютом, принимается за Абсолют. Фанатизм в основе своей противоположен духовному опыту, расширяющему сознание. Сознание фанатика сужается до математической точки, внутри которой — не Бог, а **идея** Бога. Фанатик своей идеей абсолютно похож на другого фанатика той же самой идеей. Общество фанатиков представляет собой толпу, готовую подчиняться любым приказам своего харизматического лидера.

Очень важным, в контексте данного исследования, является вопрос о том, что происходит с сознанием человека по мере усиления или ослабления Сверхжизненного аспекта его существования. Резкое преобладание этого аспекта означает концентрацию сознания на Идее. Если этой Идеей оказывается соединение индивидуального сознания с сознанием Абсолюта — человек избирает уединение и воздержание, сосредоточиваясь целиком на духовной практике. В этом случае он потерян и для социума, и для мирской жизни. Любой другой вариант выводит его на дорогу общественного подвига, ради которого он жертвует всем (благами жизни — в первую очередь). Жизнь для него уже не имеет самостоятельной ценности. Сознание превращается в машину для служения Идеалу.

Таким образом, абсолютная привязка к Сверхжизненному аспекту побуждает человека либо сделать героический рывок в развитии своего сознания,

связанный с уходом из обыденной жизни и социальной среды, либо сосредоточить все силы души на действенном утверждении Идеи, которая сама по себе не обязательно что-то значит для совершенствования его духа, но чаще всего, наоборот, делает его предельно консервативным. Преобладает, конечно, второй вариант; он же и наиболее соответствует принципу социальности. Но принципу жизни противоречат оба.

Как это ни парадоксально, слишком большая привязка сознания к Источнику жизни становится в оппозицию самой жизни. Странным образом оказывается, что Абсолют и порожденная Им жизнь делаются для человеческого сознания полюсами антиномии, где преобладание одного из них в равной степени опасно. Растворение в жизненном потоке означает утрату ориентира и отрыв от духовных корней; безоглядное устремление к Абсолюту — потерю жизненного потока, являющегося сущностью человеческого бытия.

Глава IV "Ментальная Матрица как живая система" представляет общий сравнительный анализ свойств живых систем и системных свойств культуры, опирающийся на известные в теории систем законы. Для анализа выбраны Девять основных свойств:

1. Живая система представляет собою целостное отграниченное единство, способное к самостоятельному существованию в благоприятной для себя среде.

2. Эта среда, с которой система осуществляет информационный и энергетический обмен, есть одновременно свидетельство того, что живая система является частью более широкой целостности (метасистемы). В свою очередь, она служит метасистемой для своих подсистем, которые соответственно могут считаться живыми системами более низкого уровня. Таким образом живая система есть звено в иерархии живых систем.

3. Система состоит из функционально взаимосвязанных элементов. Число этих элементов, в нормальных условиях, не должно быть больше или меньше, чем это необходимо для ее устойчивого существования. Каждый элемент (подсистема) — специализирован, т.е. выполняет строго определенную функцию, необходимую для жизни системы в целом.

4. Живая система представляет собою не просто совокупность, — она есть **синтез** своих элементов. Это означает, что любой элемент системы может быть заменен только своим аналогом; произвольное изменение подсистемной структуры или функционального назначения подсистем привело бы к разрушению живой системы. Альтернативой этому может быть только новый синтез, т.е. возникновение живой системы другой природы.

5. Живая система имеет управляющий центр, которому подчинены все остальные ее элементы. Структура этого центра прямым образом влияет на структуру всей системы. Управляющий центр содержит также и программы

рующий код, предопределяющий основные этапы ее развития.

6. Живая система стремится к стабильному состоянию как в целом, так и во всех своих подсистемах. Любое вмешательство извне приводит к реакции защиты: система стремится восстановить равновесие. Это может быть достигнуто тремя способами. Первый - отторжение всех чужеродных элементов. Второй путь - их переработка, в результате чего чужеродные элементы превращаются в нормально функционирующие элементы самой системы. Если деструктивный очаг возник внутри, система также стремится его изолировать и отторгнуть. Третий вариант имеет место, если по каким-то причинам невозможно быстро избавиться от возмущающего воздействия. В этом случае живая система вынуждена к нему приспособливаться, расходуя на его компенсацию часть своей энергии. Это состояние есть состояние болезни. Если оно оборачивается энергетическим дисбалансом или утратой жизненно важных функций какой-либо из подсистем, состояние неравновесия необратимо и тогда оно приводит всю систему к разрушению и гибели.

7. Система способна восстановить или компенсировать утраченную часть, если эта потеря не парализует полностью какую-нибудь из ее важнейших функций.

8. Живая система по определению динамична. Можно выделить по крайней мере пять ее важнейших динамических процессов:

- энергообмен с внешней средой;
- передача и прием информации (последнее предполагает, сверх всего остального, прием информации со стороны центра метасистемы, а стало быть, наличие "входа");
- приспособливание к изменениям внешней среды;
- негэнтропийная деятельность: самообновление, замена и достраивание выходящих из строя "блоков";
- рост и развитие самой системы в пределах времени ее собственного существования.

9. Необходимость реагирования на внешнюю среду (ее восприятия, поиска источника энергии, оценки возможной опасности и т.д.) предполагает наличие у живой системы некоторого числа степеней свободы и соответственно этому — более или менее развитого сознания.

В живых системах, где сознание полностью заблокировано набором генетических программ или внешними условиями, оно не вмешивается в работу подсистем деструктивным образом: инстинктивное поведение, как правило, служит интересам стабилизации системы. Что касается сознания человека, то оно имеет количество степеней свободы, явно превышающее системную логику. В рамках практически любого из Девяти вышеназванных свойств оно способно действовать вопреки интересам самосохранения системы (Мен-

тальной Матрицы).

В результате индивид (а иногда и социальная группа) могут избрать деструктивную для своей социокультурной системы линию поведения, т.е. действовать исключительно в собственных интересах. Это означает, что элемент системы может взять на себя роль, не соответствующую или даже противоречащую возложенной на него **системной задаче**. Эгоистическое поведение человека внутри экосистемы, приведшее к экологическому кризису, — яркий тому пример. Другой пример — вражда сословий, не раз приводившая социокультурные системы к потрясениям, в результате которых они оказывались на грани гибели.

Общий системный анализ приводит к неизбежному выводу, что живая система, элементы которой обладают самосознанием и возможностью выбора — **антиномична по своей сути**. Антиномия преодолевается лишь в двух случаях: 1) когда предмет свободного выбора (социальный идеал) для большинства индивидов совпадает и 2) когда существует сила, принуждающая абсолютное большинство людей отказаться от этого выбора. К последнему случаю подходит превобытное общество или любая форма деспотии, к первому — любая форма развитой демократии.

Так или иначе, человек поставлен перед выбором: либо он соблюдает "правила игры" и тогда он может надеяться на какие-то гарантии, ценой отказа от самого себя. Либо он остается самим собой, то есть существом **стремящимся и расширяющимся**, но слишком много шансов, что в этом случае он уйдет — и безвозвратно — из поля защиты своей социальной системы, а значит, подвергнет свою жизнь опасности. Если человек реально и не решается на такой шаг, то он не может, по крайней мере, не **хотеть** этот шаг сделать. Сила его Стремления такова, что она превосходит все инстинктивные механизмы, подаренные ему природой; она способна заставить замолчать даже самый мощный среди них - инстинкт самосохранения.

Чтобы оставаться социальным существом (то есть, чтобы выжить), человеку пришлось смирять свое Стремление с помощью специальной узды. Этой уздой стала именно культура, т.е. вся совокупность законов, правил, обычаев и традиций, которых он придерживался в своей социальной практике на протяжении тысячелетий.

В Главе V "Факторы автономного действия в культуре" проводится типологический анализ тех искажений, которые вносит в организм Ментальной Матрицы внесистемная работа сознания. Эти искажения сгруппированы по пяти "жестким подсистемам", возникающим в Ментальной Матрице как **неорганическая часть внутри органического целого**. Проанализированы пять основных типов жестких подсистем, таких, например, как "каркас" — статичная жесткая подсистема, на которой крепятся элементы живой системы.

В исследуемой нами психо-культурной живой системе ММ роль каркаса могут выполнять: а) совокупность коллективных культурных "безусловных рефлексов" (менталитет); б) религиозные догматы (в том случае, если они оказывают существенное влияние на повседневную жизнь социума); в) нравственно-этические установления, традиции, заповеди; г) конституция страны, если она является реально действующим сводом законов; д) тип власти; е) тип экономики (включая способ производства и нормы собственности); ж) сословная структура.

Система ММ, защищаясь от своеволия своих "элементов", имеет тенденцию постоянно наращивать каркасные структуры. Этим занимается в первую очередь государственная власть.

Любая власть заинтересована в своей надежности и стабильности. Меньше всего ее интересует социум как живая ткань, ведь живой тканью нельзя манипулировать. Следовательно там где можно, власть постоянно наращивает и уплотняет каркасные скрепы. Как результат этих усилий, жесткие конструкции каркасной подсистемы начинают распространяться на все сферы жизни; организм Ментальной Матрицы постепенно теряет эластичность и костенеет. Это хорошо можно проследить на образцах известных в истории казарменных режимов, начиная с III династии Ура и кончая современной Северной Кореей. В таких "обызвесткованных" общественных организмах нарушаются процессы обмена, резко суживается объем информации, не работает обратная связь, позволяющая руководству принимать грамотные решения. Главное же — индивидуальное сознание, становясь роботообразным, теряет способность к творчеству. Социум превращается в муравейник.

Подобным же образом в Главе V анализируются другие подсистемы: "машина", "маятник", "опухоль", "вулкан".

На многочисленных примерах показано, что перманентное противостояние сознания и культуры обязательно приводит к появлению жестких подсистем в Ментальной Матрице.

Анализ жестких подсистем ММ приводит нас к тому же выводу, а именно: степень свободы, которой обладает сознание человека, заведомо превышает уровень, допустимый для стабильно существующей иерархии живых систем. Само назначение человека противоречит этой стабильности. Человек — не просто "элемент" в системе, он — осознающий микрокосм, главное действующее лицо в космической драме реализации Стремления. В то же время условиями своей жизни он поставлен в ситуацию, когда его поведение вынужденно становится не свободным, а функциональным. И он может идти вперед только в том случае, когда разрывает эти цепи, т. е. ведет себя не в согласии с системным принципом, а вопреки ему. Ментальная Матрица, как все живое, стремится сохранить себя. Она вынуждена защищаться от человека.

Именно по этой причине она создает стальную сеть жестких подсистем, способных **силой** заставить человека быть средством, а не Целью, быть не по-этом своего сознания, а послушным винтиком социальной машины.

Мы можем констатировать таким образом, что искажения, вносимые в психо-культурный организм Ментальной Матрицы, заложены в самой основе человеческого бытия. Сущностная антиномия, внутри которой человек, с одной стороны, призван расширять свое сознание и реализовать тем самым свою свободу, а с другой - обязан всячески воздерживаться от этого, поскольку является элементом системы, - делает социальное существование человека вечной проблемой. Природа не придумала на этот случай никаких подходящих механизмов, их роль должна выполнять культура, но и культурные ограничения, как показывает мировая практика, не в состоянии справиться с этой задачей.

Глава VI "Сознание и культура" рассматривает свойства сознания применительно к исторически сложившимся социокультурным условиям. В ретроспективе анализируются основные этапы и конкретные формы противостояния между сознанием и культурой, возможные грани этого противостояния и явление **антропологической катастрофы** как его непосредственный результат.

Сознание превосходит наличную жизнь. Оно тем более превосходит социальные ограничения. Эта "избыточность", которая изначально была дана сознанию, приводит в конце концов к тому, что оно **не может не расширяться**. Предел этого расширения, высший синтез, — Абсолют — практически недостижим, а следовательно, находится по ту сторону житейской пользы. Практический разум ничего не может поделать с этим бесполезным **хотением** сознания: сознание лучше знает цель и смысл своего Стремления, чем даже сам человек. Человек лишь может догадываться о нем.

Итак, сознание человека действительно имеет космическую миссию: миссию СИНТЕЗА.

Если представить себе психо-культурную систему социума, которая обеспечила бы выполнение этой миссии, то Ментальная Матрица, вероятно, должна принять следующий вид:

- она должна быть разомкнутой системой (открытость в пространстве: способность неограниченно усваивать новую информацию);
- системой, готовой к эволюции (открытость во времени);
- системой, укорененной в Первичных архетипах.

Что же мы видим на самом деле в подавляющем большинстве случаев? Вместо разомкнутой, развивающейся и ориентированной на работу Духа системы — культура замкнута на себе самой, консервативна и склонна к утилитаризму, всегда связанному с ослаблением доминанты.

При ретроспективном анализе легко прослеживается историческая тенденция: чем дальше развивается цивилизация, чем ближе она к зрелым формам, тем труднее сознанию индивида отправляться в "свободный полет". Роскошь цивилизации всегда была апогеем мещанства.

В Социальном аспекте культуры наиболее драматической оказывается ситуация, когда индивид полностью следует всем ограничениям коллективного сознания и даже отождествляет себя с ним. В пределе эта зависимость приводит к тому, что человек в полном смысле этого слова становится "общественным животным": он либо смиренный обыватель, думающий и действующий "как все", либо (что еще хуже) — анонимный участник толпы, разделяющий все ее эмоции, мгновенные увлечения и капризы.

Сверхжизненный аспект культуры, в рамках традиционной ее парадигмы, также способен стать серьезным препятствием для свободного движения сознания. Основные социальные тенденции культуры — ограничить, ввести в русло, обеспечить стандарт — на первый взгляд, не вяжутся с самой мыслью о Беспредельном, у которого нет "русла" и нет границ. Культурные манипуляции невозможно проделывать с Абсолютом. Но они вполне возможны, когда речь идет о человеческих концепциях и представлениях, связанных с Абсолютом. Истина здесь, пожалуй, не нужна. Она даже мешает. То, чего нет в обыденной жизни, невозможно использовать. Истина — ненормативна. Человеческой культуре просто нечего с ней делать. Зато концепция Истины — очень важная и очень удобная для культуры вещь. Вот почему культура во все времена всячески способствовала тому, чтобы в человеческом сознании место Истины занимала **идея Истины**, и объектом почитания был бы не Бог, **доктрина Бога**.

Сделанный нами краткий, но внимательный обзор результатов действия культуры на сознание в рамках трех ее аспектов приводит к тому, что культура почти везде имеет тенденцию **противодействовать** основной задаче сознания: ей не нужен самостоятельный поиск, ей не нужно подлинное Бого- и миропознание. Культура есть **система**, а сутью сознания является непредусловленное движение, и оно противоречит системному принципу.

Мы теперь подходим к корню поставленной нами проблемы: **принцип культуры (в исторически данных рамках) противоречит принципу сознания**. Без преодоления этого противоречия общественное сознание не может двигаться вперед. Что касается индивидуального сознания, то, будучи крепко связанным с системой культуры и системой социальности, оно может отвоевать себе свободу только ценой своеобразной эмиграции: внутренней (если человек лишь для видимости соблюдает правила социальной игры, но духовно в ней не участвует), или внешней (побег в пустынное уединение). Без разрешения этого основного противоречия эффективная работа сознания для

большинства людей — невозможна.

Как же, в этих условиях, могло развиваться сознание? В ретроспективе можно говорить о трех реализованных направлениях:

1. Восток: **сознательное отношение к бессознательному**. Путь психического самосовершенствования и аскезы. Человек раздвигает сознание изнутри, завоевывая все новые и новые психические уровни. Этому как нельзя больше способствовал буддизм, особенно эзотерическая его ветвь — Ваджраяна. Даосы, йоги и суфии достигают вершин психотехники. Человек овладевает состояниями нирваны, дао, сатори, сабикальпа-самадхи, нирбикальпа-самадхи... Но все эти подвиги сознания остаются индивидуальными достижениями "героев духа". Они совершаются в тиши лесов и гималайских пещер; основы психотехники передаются лишь ближайшим ученикам. Человечество тем временем живет своей обычной жизнью, не подозревая об их существовании.

2. Запад: **путь внешнего богопознания**. Говоря об этой стороне деятельности сознания, мы лишь в последнюю очередь имеем в виду богословские спекуляции. Они — только лазейка для разума, любыми способами пытающегося отстоять свои исключительные права на Истину. В то же самое время сознание, которое пытается пробиться к Истине как к объективно, **вне** человека существующей вершине, действует совершенно противоположным путем: Это — путь смирения. Смирение есть в первую очередь уважение к Истине. Истина — не та цель, которую можно "преследовать". Истина — не дичь, которую можно поймать в силки. Истину нельзя насиловать, домогаясь ее тайн. Живая Истина открывает себя Сама лишь тому, кто, по выражению Л. Шестова, "способен весь превратиться в слух". Лишь смирением и любовью можно добиться благорасположения Истины, и тогда человеку откроется то, к чему он нравственно подготовил себя. Этот путь также связан с аскезой и всевозможными самоограничениями: путь пустынников и Святых подвижников, путь христианской мистики. В нем нет никакого желания добиться психического могущества, никакого "героизма", ни внешнего, ни внутреннего.

3. **Прометеевский путь**: покорение **внешних** вершин. Путь разума. Начавшись в VI в. до н.э. в архаической Греции, он был поддержан техническими достижениями римлян, и затем прерван на целое тысячелетие средневековым католицизмом. В IX — XII в. н.э. эстафету подхватили мусульманские ученые и философы, но религиозным ортодоксам ислама, в конце концов, удалось заставить замолчать и мусульманскую науку, и мусульманскую философию. Зато в Западной Европе человеческому разуму, наконец, удалось взять реванш после 10 веков молчания. В постренессансную эпоху наука, техника и философия плечом к плечу начали атаковать видимый и невиди-

мый мир, домогаясь его тайн. Это был рывок сознания **вовне**, к природе мыслимого и объективного. Прометевский путь, как и путь йоги, с полным правом можно назвать героическим; он был с самого начала видим всему миру и полностью преобразил его лицо.

Этот последний путь фактически привел социокультурную ситуацию на Западе весьма близко к состоянию **антропологической катастрофы**, которое заслуживает специального исследования.

Сознание человека, если оно способно к полноценному действию, должно быть связано с первоначальными основами бытия; это и есть, по выражению М. Мамардашвили, "внутренние источники мысли", которые он называет также "актами первовместимости". В наших терминах это — не что иное, как связь с Первичными архетипами. Без этой связи сознание начинает жить призрачной жизнью, в некоем зазеркалье, где роль смысла выполняют знаки, реального смысла не имеющие ("знаки знака", "кажимости кажимостей"). Секуляризованное сознание рано или поздно отрывается от своих духовных первооснов.

Сознание в этом случае блуждает, без смысла и без цели, в им самим созданном хороводе теней, лишенное онтологической основы, лишенное самой возможности творчества, обреченное на вечную имитацию и самопародирование, забавляющееся комбинированием готовых форм. Вместе с "актами первовместимости" из такого сознания уходит сама энергия жизни, ее и на комбинирование-то не всегда хватает; человек лишь может забавляться тем, что для него "комбинируют" другие, и чем проще, чем эффективнее эти комбинации, чем безотказней они стимулируют его желания и рефлексy, тем лучше...

Это — тот тип сознания, который эксплуатирует массовая культура. Она сама по себе есть как бы концентрированное выражение того самого зазеркалья, где мир "кажимостей" правит бал. Массовая культура, таким образом, могла бы послужить прекрасным объектом для изучения той "черной дыры", в которую проваливается сознание человека без всякой надежды выбраться на свет Божий. Глобальный и все возрастающий успех массовой культуры нельзя объяснить ни модой, ни временным легкомыслием молодости, ни даже законами рынка. Сам по себе факт, что эта культура подчиняется логике коммерции, означает, что с "внутренними источниками мысли" там раз и навсегда покончено. Все счеы с моралью давно сведены. Вопрос о поисках Истины не стоит вообще, в мире кажимостей такого понятия нет.

Для сознания, попавшего в "черную дыру", нет надобности, например, в настоящем искусстве: оно ведь требует духовной работы и тех самых "актов первовместимости", которые в мире кажимостей утрачены. Само собой разумеется, что это сознание безрелигиозно и в религии также не нуждается, по

тем же причинам. Человеку, живущему в зазеркалье, интересно лишь то, что может его позабавить. Если он совершает преступление, то делает это не по идейным и даже не по корыстным соображениям, а тоже в целях забавы. В мире не существует каких-либо вещей или идей, к которым он мог бы отнестись всерьез. С таким "фиктивным" сознанием он может жить внутри какого-то производственного коллектива или внутри семьи, однако на деле он выключен из семейной и общественной жизни, не может он быть — искренне — ни патриотом, ни отцом семейства, ни "делателем" чего бы то ни было. Он практически мертв, хотя и привык притворяться живым.

Такое состояние нельзя даже назвать результатом деградации, это совсем другое качество сознания: в нем нет самой возможности прогресса или регресса, ход времени здесь теряет смысл.

Таким образом? можно сделать вывод, что логика противостояния культуры и сознания ведет человечество к ситуации не менее опасной, чем прогнозируемый учеными экологический коллапс. Система культуры в наши дни настоятельно требует разумного вмешательства со стороны человека. Паллиативными мерами здесь не обойтись: необходима кардинальная смена парадигмы.

Глава VII "Контурсы новой парадигмы" обосновывает и формулирует базовые принципы парадигмы культуры, смысловым стержнем которой должна быть поддержка и стимулирование деятельности сознания.

Исторический опыт пути, пройденного человечеством до сего дня, однозначно говорит в пользу того, что сознание человека обязано участвовать в Творении: не самовольно, не насильственно, но пребывая **внутри** потока жизни; не анахоретствуя и не устраниаясь от социальной практики, но преобразуя социальность на разумно приемлемых началах.

В любой области знания новая система представлений должна опираться на некоторые базовые установки, которые служили бы начальными условиями, задающими параметры этой системы. Эти установки касаются основ данного знания, поэтому их не должно быть много; они суть фундаментальные принципы, на которых будут строиться все рассуждения в рамках предлагаемой парадигмы. Мы здесь выделяем четыре таких принципа.

I. Конфликт культуры и сознания может быть снят с повестки дня только в том случае, если главной задачей культуры станет не обеспечение жизни, не выполнение нормативных функций и не забота о социальных гарантиях, а **стимулирование роста сознания**, включая те его уровни, в которых биологическая жизнь не заинтересована.

До сих пор эта задача ставилась и выполнялась только в рамках различных субкультур (ашрамы, монастыри, специально создаваемые сообщества и группы). Человек, который принимал решение посвятить все свои силы поис-

кам Истины, всегда стремился уйти "из мира", т.е. избавиться от навязанной ему обществом обусловленности. В результате "мир" всякий раз оставался наедине со своим духовным невежеством. Этого бы не произошло, если бы культура предусматривала решение задач, выходящих за рамки практической пользы.

Человеческое сознание должно стать главной заботой культуры. Ей следует, наконец, повернуться лицом к духовным проблемам человека, которые должны стать, безусловно, приоритетными по сравнению с экономическими, социальными, политическими и любыми другими.

Если до сих пор, взаимодействуя с сознанием индивида, культура выполняла роль поставщика информации, то в будущем она обязана будет позаботиться о ДВИЖЕНИИ СОЗНАНИЯ. Вплоть до настоящего времени именно в этом аспекте культура выполняла роль прямо противоположную: она скорее способствовала ограничению и прекращению этого движения.

II. Надо изменить взгляд на культуру как на дело рук одного лишь человека. Культуру следует рассматривать в контексте Метасистемы, Центром которой является Космический Разум (в его существовании не сомневались Ньютон и Лейбниц, к реальности этого Разума приходят и деятели современной физики). В рамках культуры человек никогда не бывает одинок: культура есть место встречи Бога и человека. Само по себе осознание этого факта исключает человеческий волюнтаризм; понятие творчества здесь замещено СОтворчеством. Мы должны признать, что человеческий разум — не абсолют, что он только часть ноосферы.

Определяющим порядком во Вселенной является **духовный порядок**, который обнаруживает себя как иерархия уровней. Верхним уровнем непосредственно восходит к Высшему Единому, носителю абсолютного сознания, источнику тех прообразов (по смыслу близких к Платоновским эйдосам), которые в настоящей работе получили условное наименование Первичных архетипов. В человеческой психике эти прообразы фигурируют как содержание Высшего бессознательного. Более низкие уровни являются порождениями Первичных архетипов; они по сути являются миром воплощенных идей, миром сущностей и структурных систем разной степени связанности, вплоть до физических. Каждый из этих уровней представляет собою относительно замкнутую систему со своими собственными законами.

Если принять это как факт, то из него неизбежно следует, что культура должна **специально** заниматься своими основаниями. Человек обязан стремиться к познанию духовной Первопричины своего бытия; для выполнения этой задачи никакие средства и никакие усилия не могут считаться чрезмерными. В пределе все нормативные функции культуры должны быть ограничены именно этим ВЕКТОРОМ ПОЗНАНИЯ, — остальные нормы могут но-

силь лишь временный и относительный характер. Культура должна дать человеку в первую очередь духовную ориентацию — вверх, Центру метасистемы, на рост и преодоление, к негэнтропийному движению.

III. Культура любого человеческого сообщества способна стать разумно управляемой системой.

Этот постулат нельзя считать самоочевидным: до сих пор во всем, что касалось достаточно крупных социальных единиц (община, племя, государство) развитие культуры было стихийным процессом, в который, правда, пыталась вмешиваться власть, но стихия, даже временно укрощенная, так и оставалась стихией. Такое положение дел можно объяснить лишь тем, что сама по себе культура как системная целостность, становится объектом исследования не ранее XVIII в.

Система культуры (особенно в ее основаниях) не имеет материальных референтов; нужна достаточно высокая степень абстрагирования, чтобы обозначить эту систему как самостоятельно существующий объект. Управлять можно только тем, что исследовано. С другими социальными системами (экономика, государственное управление, образование и т.п.) это произошло гораздо раньше; у человечества было достаточно времени, чтобы попытаться найти способы воздействия на поведение этих систем. Мы однако не знаем ни одного государства, в котором практиковалось бы столь же осмысленное отношение к культурным системам.

Между тем отношение к культуре как к живой системе, важнейшие процессы в которой (например, формирование жестких подсистем) должны быть под постоянным контролем, предполагает совершенно новые формы организации культурной жизни, пока еще, по-видимому, не предусмотренные ни в одном уголке Земного шара. Наука о культуре должна перейти из теоретически-описательной фазы к четко обоснованной стратегии культурного строительства.

IV. Мир человека включает бесчисленное множество фундаментально "встроенных" в его земную жизнь оппозиций. В самом по себе бытии уже есть ситуация раскола. Применительно к психическим процессам это означает их разделение на сознательную и бессознательную области. Эволюция сознания состоит в овладении бессознательным, т.е. в "снятии" главной оппозиции бытия. В этом - сокровенная суть духовных усилий человека. Динамика Вселенной осуществляется через разворачивание всех потенциально возможных свойств сознания, через трансформацию разнообразных его форм — вперед, к финальному синтезу. На этом эволюционном пути сознание, присущее человеку, играет ключевую роль, поскольку с его помощью Вселенская Целостность осознает самое себя.

Это лишь одна грань эволюционного процесса. Есть и другая: Высшее

Невидимое, со своей стороны, направляет эволюцию человеческой культуры с помощью информационных **первотолчков**, примером которых могут служить пророческие откровения.

Парадигмальный смысл всех этих процессов — тот, что сознательное отношение к культуре необходимо предполагает учет налично данной ФАЗЫ ее общего эволюционного движения. В настоящее время мы приближаемся к **смене фаз**: от локальных культур — к мировой, от рациональных форм познания — к интуитивным, от бессознательной культурной динамики — к осознаваемой.

Глава VII завершается шестью основными установками, которые, на взгляд автора, могли бы составить реальную основу для будущей парадигмы культуры. Это:

- работа с сознанием;
- работа с архетипами;
- работа с Ментальной Матрицей;
- выработка приоритетных форм социальной жизни в рамках трех аспектов культуры и равновесие между ними;
- работа с подсознанием;
- подготовка к фазе интуитивной культуры — эволюционной перспективе следующего тысячелетия.

Положения, выносимые на защиту

1. Отношения между культурой и сознанием можно исследовать, опираясь на системный анализ. Результат такого анализа показывает, что динамика сознания и динамика культуры имеют принципиально различную природу.

Сознание индивида, помимо таких основных его свойств как восприятие, память, представление, понимание и управление действием, обладает тенденцией к спонтанной активности, для обозначения которой в данной работе используется специальный термин — **Стремление**. Если восприятие, память, представление и понимание обусловлены психическими структурами и, следовательно, могут рассматриваться в рамках системной логики, то Стремление способно выходить за пределы всех психических ограничений и потому имеет **внесистемный смысл**.

В то же время именно свободное Стремление, — в большей степени, нежели весь объем информации, усвоенный человеком, — делает его **духовным** существом, способным к безграничному познанию как объектного мира, так и мира внутреннего, к овладению структурами бессознательного и тем самым — к переходу на все более высокие уровни, недоступные другим живым существам. Стремление есть необходимое условие для выполнения космической миссии сознания: овладения **всей реальностью**, принадлежащей не только внешнему, но и внутреннему (психическому) пространству.

Итак, сознание, в условиях его творческой свободы и выполнения его миссии — **по существу внесистемно**, т.е. оно не может ограничить себя лишь функциональной ролью.

2. Культура как некая сумма средств надбиологической регуляции человеческой жизнедеятельности, — наоборот, по всем своим свойствам и параметрам есть **живая система**. Законы ее динамики (энергоинформационный обмен со средой обитания, генетически запрограммированный рост, адаптация к меняющимся внешним условиям) полностью вписывается в поведение живых систем. Для целей данного исследования создана рабочая уровневая модель культуры, названная Ментальной Матрицей.

Человеческий индивид, по условиям своего социального бытия, является не более, чем элементом этой живой системы, сохранность которой может быть обеспечена лишь полным подчинением индивида ее законам. Культура, следовательно, не может не ставить человеческому сознанию жестких границ, переступать которые нельзя, ибо это грозит системе потерей стабильности. Неудивительно поэтому, что одной из главных функций культуры всегда была функция ограничения человеческой свободы, предусматривающая определенный набор репрессивных механизмов — от общественного порицания до прямого насилия над личностью. В частности, весьма действенным инструментом ограничения человеческой свободы со стороны культуры является механизм **насильственного формирования сознания** (воспитание, образование, пропаганда). Психика индивида формируется системой культуры по некоему единому образцу, в согласии с предписаниями и традициями. Главный смысл этого — в том, чтобы, с одной стороны, ограничить Стремление, а с другой — ввести его в желательное для культуры русло.

Налицо, таким образом, сущностная антиномия, которая обнаруживает себя как **перманентный конфликт между сознанием и культурой**. Если индивиду удастся отстоять свободу своего Стремления — в определенной мере он перестает быть элементом социокультурной системы, и тогда эта последняя, следуя свойству живых систем - воспроизводить условия своей стабильности — поступает с индивидом, как любой организм ведет себя с внедрившимся в него чужеродным телом: она его отторгает. Культура вынуждена защищаться от человека, т.е. от тех форм его поведения, которые носят внесистемный характер.

3. Культура и сознание, при всей их антиномичности, взаимно обусловлены. С одной стороны, без культуры сознание человека не имело бы необходимых для его работы базовых структур. С другой, — сама культура не могла бы существовать без творческих усилий сознания.

Культура и сознание имеют, кроме того, общие основания. В качестве таковых выступают первообразующие космические принципы, составляющие

фундамент Высшего бессознательного. В настоящем исследовании они были названы Первичными архетипами. Условием стабильности культуры является актуализация этих принципов - через миф, обряд, символ, этические постулаты, систему ритуалов и т.д. Со своей стороны, условием расширения сознания является опора на Первичные архетипы как на источник творческой активности и смыслообразующий вектор Стремления.

В трехзвенной цепи живых систем (индивид — социум — космос) Первичные архетипы, имеющие космическое происхождение, являются одновременно источниками жизни и для культурно ориентированного индивида, и для социокультурных организмов. Существует, однако, ситуация, в которой возможен отрыв от своих общих истоков как со стороны сознания, так и со стороны культуры. Эта ситуация есть ситуация **кризиса** — неизбежный результат конфликта сознания и культуры. Кризис может оказаться губительным для обеих конфликтующих сторон.

4. Для **социокультурных систем** борьба с сознанием чревата длительным застоём, либо необратимой дестабилизацией. Дело в том, что на внесистемное поведение своих элементов живая система реагирует появлением **жестких структур**, назначение которых — любыми способами обеспечить регулярность функциональных процессов в системе. Примерами такого рода структур могут быть: государство и его институты, система власти, система законодательных актов и т.д. Если роль этих механизмов в жизни общества превосходит некий критический предел, — наступает стадия "окостенения" организма культуры с неизбежным возникновением эффекта **социальной энтропии**. Для многих локальных культур этот период совпал с временем зрелой цивилизации. Именно на этой стадии культура стремится обеспечить свою защиту тотальной системой жестких предписаний, отрываясь тем самым от своего живого источника — Первичных архетипов. Показателем этого, в частности, является ослабление живого религиозного чувства и утрата чистоты нравов; живая ткань культуры замещается здесь механическими структурами. Как показывает История (поздний Рим, поздний Вавилон, Новое царство Египта и т.д.), это состояние необратимо.

5. Для **сознания** кризисная ситуация обнаруживает себя в том, что Стремление, искажаясь, либо приводит индивида к поискам возможностей эгоистического самоудовлетворения, либо делает его сознание калькой с культурной матрицы. Если рассматривать культуру в трех аспектах: индивидуально-Жизненном, Социальном и духовно-религиозном (Сверхжизненном), то в рамках первого аспекта сознание становится обыденным; внутри второго оно превращается в то, что называют "массовым сознанием" или сознанием толпы, а третий аспект связан с появлением коллективно-религиозного сознания, имеющего своим частным проявлением фанатизм. Все эти формы ор-

ганизованного культурой сознания превращают человека в деталь социальной машины. Сознание становится вполне функциональным, но неспособным на творческую работу и расширение своих границ.

Ретроспективный анализ эволюции социокультурных систем показывает, что творческий потенциал сознания, в борьбе с ограничениями культуры, имеет тенденцию к угасанию. И если до XX столетия эта ситуация оказывалась фатальной лишь в рамках локальных культур, не затрагивая человечество в целом (гибель локальной культуры в каком-то одном районе Земного шара могла совпасть по времени с расцветом или зарождением других культур), то современная ситуация, когда человечество движется к единой цивилизации, чревата катастрофой глобального масштаба.

На стадии зрелой цивилизации процесс перерождения культуры затрагивает все три ее аспекта. Индивидуально-Жизненный ее аспект сводится к обеспечению материального комфорта, связанного с неостановимым техническим прогрессом, губящим среду обитания, и неуправляемым ростом массовой культуры, опасным для душевного здоровья людей. Социальный аспект культуры связан либо с тенденцией усиления тоталитарных форм правления, либо с абсолютной властью безличного закона. Сверхжизненный аспект — с усилением неоязычества, идолопоклонства, власти тоталитарных сект или с полной безрелигиозностью.

Результатом всего этого может стать особое состояние массового сознания, — в трудах М. Мамардашвили оно получило название "**Антропологической катастрофы**". Его суть — в полной оторванности сознания от своих духовных истоков и образовании **мнимого** сознания, создающего мир кажимостей, мир призрачных реальностей и бессодержательных смыслов, с полной потерей вектора Стремления — фактически провал в область небытия. Это состояние, в силу его необратимости, есть угроза не менее страшная, чем глобальный экологический кризис.

6. Вместе с этим общий ход психической эволюции позволяет прогнозировать в скором будущем главенствующее значение последней из четырех "психических функций" К. Юнга: **интуитивной способности сознания**, — способности непосредственного вхождения в реальность, минуя дискурс. Эта перспектива, вместе с вероятностью антропологической катастрофы, диктует необходимость кардинальной перестройки человеческой культуры и смены культурных приоритетов. Назревает этап новой парадигмы культуры, снимающий ситуацию антагонизма культуры и сознания. Кроме того, новая парадигма должна предусматривать возможность **управления** важнейшими динамическими процессами социокультурных систем, включая пути их дальнейшей эволюции.

Новая парадигма культуры предусматривает следующие принципы:

– Для устранения антагонизма нужно устранить условия, в результате которых сознание вынуждено приспосабливаться к культуре. Наоборот, культура должна быть приспособлена к задачам сознания. С этой целью предлагается идея живой системы нового типа, сутью которой будет **динамический синтез**, т.е. соединение целостности, стабильности системы с возможностью ее беспредельного развития.

– Главной заботой культуры должна стать свобода сознания. В частности, воспитание и образование должны быть ориентированы не на загрузку памяти, а на раскрепощение сознания и рост его творческого потенциала. Единственным — в идеале — ограничением культуры должно быть **направление вектора стремления** — к Источнику жизни и Причине всех причин (Центру метасистемы).

– Культура должна специально заниматься своими основаниями (архетипами Высшего бессознательного).

– Необходима своевременная профилактика культуры как живой системы — сведение до минимума количества ее жестких подсистем. В частности, необходима специальная работа с коллективным подсознанием, для предотвращения спонтанной и разрушительной манифестации содержащихся в нем вытесненных архетипов.

– Нужна выработка медиативных форм культуры, — особенно в социумах с манихейски ориентированной ментальностью.

– Необходима подготовка к эпохе **интуитивной культуры** (выработка ее возможных форм, изучение условий ее существования).

– Необходим баланс между тремя аспектами культуры — индивидуально-Жизненным, Социальным и Сверх-жизненным. В каждом из этих аспектов следует предусмотреть комплекс мер, предупреждающих кризисные явления: ограничение потребностей, уничтожение потребительского отношения к природе, обучение искусству жизненной игры (Радость вместо принципа удовольствия), минимум социальных запретов, духовное единение (соборность вместо "коллективизма"), идея всеобщего духовного образования, разделение трех аспектов культуры в жизни каждого отдельно взятого человека, с преобладанием Сверхжизненного аспекта на завершающем этапе жизненного пути.

Материалы исследования отражены в следующих публикациях

1. **Архетип как основание культуры** // Глобальные проблемы XX столетия. — Новосибирск, 1999. — 0,5 п/л.
2. **Введение в историю духовной культуры.** — Новосибирск, 1999. — 2,0 п/л.
3. **Дионисизм и XX век**// Проблемы культуры. — Новосибирск, 1997. — 0,7 п/л.

4. **Интеллигенция в Сибири**// Сибирь на пороге третьего тысячелетия: прошлое, настоящее, будущее. Материалы Региональной научно-теоретической конференции, посвященной 400-летию вхождения Сибири в состав Российского государства. — Новосибирск, 1998. — 0,5 п/л.
5. **История европейской музыкальной культуры.** Курс авторизованного изложения. — Новосибирск, 1993. — 3,0 п/л.
6. **Кризис сознания как феномен культуры.** — Новосибирск, 1999. — 17,0 п/л.
7. **Культура западноевропейского средневековья.** — Новосибирск, 1995. (В соавторстве с А.А. Правоторовой.) — 14 п/л.
8. **Морфология культуры: опыт социопсихологического анализа.** — Новосибирск, 1997. — 12,5 п/л.
9. **Музыкальное образование как стимул формирования творческой ориентации личности** // Сб. тезисов докладов межвузовской н-пр. конференции "Музыкально-эстетическое образование в социокультурном развитии личности". Т. 3. — Екатеринбург, 1999. — 0,2 п/л.
10. **Приобщение к творчеству.** — Новосибирск, 1987. (В соавторстве с М. Котляревской). — 6,7 п/л.
11. **Путь к синтетическому знанию**// Альманах Новосибирского гуманитарного института. — Новосибирск, 1998. — 0,5 п/л.
12. **"Священная жертва" Пушкинской поэзии.** Сибирский международный. — 2000. — N_2 — 0,5 п/л.
13. **Структуры социального сознания как предмет культурологического анализа.** Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологических наук. — Челябинск, 1998. — 1,2 п/л.
14. **Типология религиозных идей: постановка проблемы** // Проблемы культуры. — Новосибирск, 1997. — 1,0 п/л.
15. **Ценностный смысл чужой культуры.** Доклад на конференции "Инвестиционный потенциал Новосибирска на пороге XXI века". — Новосибирск, 1999.
16. **Элита и власть**// Проблемы образования. — Новосибирск, 1997. — 0,5 п/л.

Подписано в печать: 26.05.2000 г.
 Формат 60 x 84/16. Бумага офсетная.
 Тираж 100 экз.
 Усл. печ. л. 2,4. Заказ № 149.
 Отпечатано в типографии «Сибвузиздат»
 г. Новосибирск, Каменская, 52